

То рондо нам уж не сыграть

Когда он вернулся в Торонто, была весна, деревья на улицах цвели и пахли свежестью и маминым кремом для рук. Приторно-сладкий, слегка неприятный запах как бы обволакивал его и мешал сосредоточиться. Все еще слегка опьяненный полетом, он прогуливался по одной из центральных улиц, думая о лете и дожде. Он любил эти редкие подарки, эту неожиданную прохладу посреди летнего марева и затишья, когда меньше всего ожидаешь благословенной влаги, щедро падающей с небес.

Он шел по улице, свернул на авеню и неожиданно для себя вышел к бару "Морж и Плотник". Это судьба, подумал он и зашел внутрь, с силой толкнув тяжелую деревянную дверь. Мелани не было.

Другая, незнакомая, но миловидная девушка улыбнулась ему из-за стойки.

— Гиннесс, — попросил он, и барменша, кивнув, достала чистый, сверкающий при свете свечей, бокал.

В прошлый его приезд, когда он заглянул сюда в первый раз, Мелани протянула ему запотевшую, тяжелую пинту пива, их пальцы на мгновение соприкоснулись, и он покраснел. Даже сейчас он отчетливо помнил это внезапное щемящее чувство, которое возникает, когда кровь со всей силы приливает к прохладным с мороза щекам.

— Как тебя зовут? — поинтересовалась Мелани, и он назвал, а затем, не дожидаясь встречного вопроса, назвалась и она.

— Мелани.

Ее имя сразу же напомнило ему о лете, о лете и о дожде.

— Ты надолго в Торонто? — спросила она. Было два часа дня, и бар был пуст.

— Не знаю, — честно ответил он.

Мелани рассмеялась, открыто и заразительно, и он, сам того не желая, присоединился.

Они говорили несколько часов, прерываясь только когда Мелани обслуживала других клиентов или он выбегал в туалет, а когда он решил, что уже достаточно счастлив и пьян, она написала на счете свой номер. Он позвонил в тот же вечер с телефона-автомата на перекрестке Черч-Веллингтон, и через полтора часа они с Мелани уже целовались, гуляя под тусклыми оранжевыми фонарями Мьюзик-Парка.

— Как тебя зовут?! — кричала Мелани, когда они занимались сексом в мансарде ее дома на окраине города. — Как тебя зовут? Кто ты такой?

Он не был уверен в ответе, но ответ и не требовался.

Он отхлебнул холодное, шипящее, еще живое пиво. Тепло разлилось по всему телу, и мир вновь показался ему чуть более солнечным, чем на самом деле.

Он вышел из "Моржа и Плотника", когда тот начал заполняться народом, и сел на метро. Серебристый блестящий поезд повез его на самую окраину, в Норс-Йорк. Дом, в котором жила Мелани, был в пятнадцати минутах ходьбы от станции. Двухэтажный, с красной крышей, дом, казалось, сошел с поздравительной открытки. Он нажал на кнопку звонка. Дверь открыла симпатичная рыжая девушка лет двадцати трех.

— Здравствуйте, — сказал он. — Я ищу Мелани.

— Вы ошиблись, — пожала плечами хозяйка, — Здесь такая не живет. Меня зовут Кейти.

Он грустно и разочарованно улыбнулся ей и пошел было прочь, когда она вдруг сказала:

— Но вы можете остаться на чашку чая.

И он остался.

— Знаешь, у тебя удивительно открытое, располагающее к себе лицо, — шептала ему Кейти, когда они лежали на удобной двуспальной кровати. Он еще помнил эту кровать, помнил, как матрас какое-то время хранит тепло и форму тела, помнил, как колено Мелани касалось его живота, когда она сворачивалась в клубок в его объятиях.

Тогда он прожил у нее больше месяца, спал с ней в одной комнате и ужинал за одним столом. Днем Мелани уходила на работу, а по ночам зубрила законы и поправки — она заочно училась в Торонтском Университете на юриста. Каждое утро он выходил в ближайшую булочную и возвращался оттуда со свежим багетом подмышкой и двумя дымящимися бумажными стаканами с кофе. Они завтракали в постели, а когда Мелани убегала, он часами лежал на незастеленной кровати, будто впитывая скопившуюся на ней влагу, росу, выпавшую за ночь на простыне.

Кейти была милая, нежная, и в другой ситуации он, возможно, и остался бы, но очень рано утром, пока девушка еще спала, он тихонько оделся и вышел из квартиры, не издавая ни единого скрипа на паркетном полу. Он успел досконально изучить каждый квадратный сантиметр этого пола, будь то ногами, выходя ночью в уборную, или спиной, когда они с Мелани решали разнообразить половую жизнь.

Он задумался над этим случайным и дурацким каламбуром и усмехнулся. Светало.

До метро было пятнадцать минут быстрой ходьбы, но он шел медленно, смакуя каждый сделанный шаг. Вот ограничительный знак на столбе. Вот черно-желтый мусорный бак. Вот "Осторожно, дети". Листья с этого клена они однажды собирали и украшали ими спальню. Каждый шаг напоминал о Мелани.

Он чертыхнулся и вошел в метро, бросив несколько монет в банку кассира. Позавтракал он хот-догом, купленным у одного из уличных продавцов. Их желтые киоски на колесах резко выделялись на фоне городского пейзажа.

Он прошел пешком почти весь центр, ориентируясь на иглоподобный шпиль CN Tower. Высоченная телевизионная башня была видна практически отовсюду, и служила своеобразным компасом, указывая, впрочем, на юг. Магазины с тряпками сменялись дешевыми закусочными и древними ухоженными церквями, то и дело в просветах между домами мелькала зелень деревьев, мимо сновали оранжевые такси. К басне он вышел по подземному переходу от вокзала, обходя туристов и вечно спешащих по делам китайцев.

Башня была элегантной, даже утонченной, ее силуэт резко выделялся на фоне синего неба, подчеркивая ее стройность. Он отстоял в длиннющей разноязыкой очереди и купил билет на смотровую площадку. Преодолев еще одну очередь к лифту, он меньше чем за минуту взлетел наверх, глядя через стеклянные двери на уменьшающийся город. Он почему-то любил Торонто несмотря на то, что любовь эта, как любая настоящая любовь, не была оправдана или хотя бы логически обоснована.

На верхушке башни он сразу отправился на стеклянный пол. Встав посреди толпы визжащих девушек и мельтешащей туда-сюда детворы, он начал смотреть под ноги, на расположившиеся там полкилометра пустоты. Интересно, что дети совершенно не боятся стеклянного пола, подумал он, тогда как у взрослых обычно кружится голова от вида земли далеко-далеко внизу. Дети вообще менее восприимчивы к ужасным вещам, которые могут произойти с каждым. Он снова вспомнил Мелани, и его сердце зажалось дверной скобой. Она тоже абсолютно не боялась стеклянного пола, бегала по нему, словно по цветущему лугу, даже пыталась танцевать.

Они пришли сюда вечером, незадолго до закрытия, когда народу было поменьше, а город казался черно-золотым с мелькающими то и дело самоцветами. Мелани сразу потянула его на открытую площадку, и там, щурясь от то и дело налетающей белесо-синей волны подсветки, они долго вглядывались в темноту и неизведанность ночного озера Онтарио.

Он спустился вниз ближе к полудню, вытирая глаза, слезящиеся от резкого и колючего ветра, так внезапно набравшего в этот весенний день.

После обеда он решил поехать в Столетний парк, где они гуляли с Мелани в последний раз, а пока он начал искать приличное место, в котором можно с комфортом поесть. Выбор был огромен. Бары, кафе, бистро, японские, китайские, вьетнамские, венгерские и мексиканские рестораны — все были открыты и ждали голодных посетителей. Гуляя по центру города, он увидел понравившуюся ему вывеску и зашел внутрь. В "Ирландском посольстве" — так назывался паб, — было совсем немного народу, и лысый официант в два счета подскочил к нему с меню. Он заказал пастуший пирог и Гиннесс и выхлебал пиво до того, как еда была готова. Вторую пинту он пил медленнее, оценивая на вкус каждый глоток и заедая фаршем с картофельным пюре.

Пообедав, он пошел на север и полежал немного на траве в Квинс-Парке, рядом со статуей поэту. Белки, черные и серые, бегали вокруг него как помойные коты, в поисках остатков пищи. Одна даже была настолько беспечна, что он молниеносным движением схватил ее за хвост, но она неожиданно острыми зубами впилась ему в большой палец и черной пулей взлетела на дерево.

Отдохнув, он продолжил свой путь, и дойдя до улицы Блур, сел там на метро и поехал на запад. Мелани обожала метро, вспоминал он с улыбкой, и всегда читала ему вслух дурацкую социальную рекламу, расклеенную по вагонам.

Поезд ехал быстро, и уже через полчаса он ждал на автобусной остановке на пути к парку. Было почти шесть, и автобус набился под завязку. Он стоял, крепко вцепившись в прохладный поручень, зажатый между дородной негритянкой и девушкой волосами всех цветов радуги. Девочка беззаботно слушала тяжелый металл, который сочился из наушников и вязко растекался по всему салону. Негритянка хмурилась.

Соскочив на знакомой остановке, он пошел мимо двухэтажных коттеджей в сторону парка. Когда он был здесь в последний раз с Мелани, деревья еще стояли голые, и листья покрывали землю дырявым саваном, но сейчас все цвело и зеленело, как ни в чем не бывало.

— Люблю леса, — говорила Мелани, — Люблю блуждать по ним, так, чтобы казалось, что путь давно потерян, и остается только идти и идти вперед.

Он тоже любил леса, но не поэтому, а из-за чувства неизбежного одиночества, которое возникает среди сотен древесных стволов, даже если ты гуляешь с близким человеком. Такое чувство иногда возникает в людской толпе.

— Люблю тебя, — говорила Мелани, держа его за руку, когда они шли по узким тропинкам Столетнего парка.

Деревья шептались о своем, боковым зрением он заметил где-то слева очередную белку, и птицы свистели ему вслед. Лес был живой и хранил секреты, свои и чужие. Когда они с Мелани гуляли здесь в последний раз, они зашли далеко-далеко вглубь, так, чтобы не было слышно машин и людских голосов. На небольшой опушке, окруженной серыми сухими стволами, Мелани остановилась, взяла его за руки и поцеловала, а затем повернулась и продолжила идти. Он закрыл глаза, вспомнил вкус ее губ.

Она шагала чуть впереди, а когда она поравнялась с самым большим деревом, он поднял с земли суковатую увесистую палку — вероятно, самое древнее орудие на земле — и со всей силы ударил Мелани по затылку. Она упала, не издав ни звука, и только бурая листва предательски зашуршала под ее телом. Он ударил еще раз, целясь в голову, а затем, отбросив палку, рухнул на девушку и начал ее душить. Мелани почти не сопротивлялась, и ее залитое кровью лицо не выражало никаких эмоций, кроме, может быть, удивления. Он сжимал и сжимал ее нежное горло сильными, жилистыми пальцами, надавливая в такт

дыханию, гася все ее слабые порывы жить. А когда она перестала дышать, он закопал ее в листве, вытерев руки об ее белые джинсы.

Выйдя на ту самую опушку, он остановился и принюхался. Мелани не было. Интересно, кто ее нашел, подумал он, обходя большое дерево по кругу и нежно касаясь рукой его грубой, черствой коры. Возможно, влюбленная парочка, прячущаяся от города, или фотограф-любитель в поисках настроения, или чья-то собака.

Он вышел из Столетнего парка в гораздо лучшем настроении. Улыбаясь весеннему солнцу, он шел к автобусной остановке. Сев в автобус, он твердо решил: в следующий свой приезд в Торонто он обязательно кого-нибудь убьет. А сейчас он в отпуске.